

УДК 94:351.761.1

**«СУХОЙ ЗАКОН» 1914 ГОДА В ГОРОДЕ И ДЕРЕВНЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Шевченко И.А.

Статья посвящена последствиям реализации «сухого закона» 1914 года в городах и деревнях Российской империи. Исследуется влияние ограничительных мер на благосостояние населения, состояние здоровья, социокультурную атмосферу, духовные запросы. На основе анализа публицистики тех лет делается вывод о различиях в степени распространенности в условиях «сухого закона» потребления алкоголя, добытого незаконным путем, в городе и деревне.

Ключевые слова: сухой закон, алкоголь, пьянство, трезвость, город, деревня, Первая мировая война.

**“DRY LAW” OF 1914 IN CITY AND VILLAGE:
COMPARATIVE ANALYSIS**

Shevchenko I.A.

The article describes the consequences of the implementation of the prohibition known as the “dry law” of 1914 in the Russian Empire cities and villages. The article studies the impact of restrictive measures on the well-being of the population, health status, socio-cultural atmosphere, spiritual needs. On the basis of those years journalism analysis a conclusion is drawn about the differences in the prevalence of illegal alcohol consumption in the city and the countryside under the conditions of the “dry law”.

Keywords: dry law, alcohol, drunkenness, sobriety, city, village, the First World War.

Статья подготовлена в рамках проекта «Российское крестьянство и государственная политика в отношении продажи алкоголя в 1914-1925 годах» (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки

молодых российских ученых – кандидатов наук 2020 года. Проект № МК-846.2020.6).

Дихотомия «город – деревня» в российской истории XX в. является важнейшей проблематикой, проникновение в суть которой помогает лучше понять сущность происходивших и происходящих уже в новом столетии общественно-политических, экономических, социокультурных процессов в стране. Эта раздвоенность, пожалуй, ярче всего проявилась в России первой четверти или даже трети XX в., в эпоху модернизации, имевшей имперскую и советскую формы. Трансформация российского общества в это время сопровождалась мощным революционным кризисом, отягощенным участием страны в Первой мировой войне.

На это указывает В.П. Булдаков, говоря о том, что «в сущности, все новейшие беды России связаны с тем, что ее социокультурное распадение на "город" и "деревню" стало к началу XX в. болезненно заметным на бытовом уровне, а война усилила персональную человеческую остроту этого ощущения. Галопирующая маргинализация (выпадение из без того разрушающихся сословных границ традиционных социумов) довершила дело» [3, с. 28].

Этот разлом проходил на разных уровнях – экономическом, образовательном, бытовом, мировоззренческом и др. Необходимо упомянуть еще об одном – питейные традиции и трезвенническая культура. Потребление алкоголя в России на рубеже XIX-XX вв. – тема, имеющая различные преломления. Это и финансовый вопрос (в 1895-1914 гг. в стране функционировала государственная монополия на продажу крепкого алкоголя, приносившая казне до трети годового дохода), и трезвенное движение (включавшее в себя антиалкогольную деятельность православного духовенства, медицинского сообщества, депутатов Государственной Думы, сельских обществ).

Закономерно, что исследователи, представляющие различные исторические периоды, обращали внимание на специфику потребления

спиртных напитков в дореволюционном городе и деревне [1; 6; 10; 13; 14]. Обобщая весь объем литературы на эту тему можно говорить о том, что в сельской местности было распространено sporadическое пьянство (время от времени, по случаю торжественных событий в личной или церковной жизни), население же городов было регулярным потребителем алкоголя. Такая разница проявлялась и статистически – по данным различных экономистов крестьяне потребляли горячительных напитков в три раза меньше городских жителей (по данным А.М. Золотарева, в середине 1900-х гг. душевое потребление спиртного в городах составило 1,56 ведра, в селах – 0,45) [7, с. LXXIX]. Статистика может быть коварной – так, приводимые данные, как правило, не учитывали возможность закупок селянами «зеленого змия» в уездных и губернских центрах. Однако даже с учетом этого, деревня была более скромным потребителем алкоголя в России начала XX века [12, с. 41].

Традиционный уклад жизни российской деревни с общинным контролем без сомнения подвергался серьезному воздействию модернизационных процессов на рубеже веков, но все равно препятствовал массовой алкоголизации крестьян. Однако те же самые крестьяне, приходя в города на заработки, оказываясь в чуждой для себя социокультурной среде, имея в своем распоряжении денежные средства и множество соблазнительных поводов их потратить, как правило, становились регулярными потребителями алкоголя. Кроме того, среди мещанства, городской интеллигенции, чиновников, купечества в рассматриваемое время было распространено регулярное (нередко ежедневное) потребление алкоголя (за обедом, после служебных дел и т. п.).

В 1914 г. в связи со вступлением Российской империи в Первую мировую войну в стране была введена система ограничений на продажу спиртных напитков, получившая наименование «сухого закона» [см.: 13]. Николай II пошел на данный шаг под воздействием соответствующего запроса в обществе и, очевидно, желал данной мерой мобилизовать народные силы в военных условиях, а также продемонстрировать благое намерение властей в отношении отрезвления населения.

Чисто формально «сухой закон» продлился в стране почти до середины 1920-х гг. Однако с 1917 г. его реализация происходила в чрезвычайно сложных условиях гражданской войны и становления советской государственности. Поэтому нас интересует в первую очередь исполнение антиалкогольных ограничений в 1914-1916 гг., в первую же очередь – влияние «сухого закона» на ситуацию в городе и деревне.

Большинство современников, обращавших внимание на данный вопрос на большем, чем просто обывательском уровне, сообщали о благотворном влиянии трезвеннической меры на население страны. Отечественный психиатр В.М. Бехтерев писал о том, что «сухой закон» является победой над одним из наиболее страшных врагов здоровья человека [2, с. 176]. В подтверждение его слов врач-трезвенник А.Л. Мендельсон сообщал применительно к Петрограду о значительном сокращении травм и самоубийств в «трезвое полугодие» 1914 г. (количество добровольных уходов из жизни снизилось в три раза по сравнению с аналогичными предыдущими периодами) [11, с. 21-27].

Врач И.Н. Введенский также отмечал следующее (говоря о 1914 г.): «В трех амбулаториях Московского Столичного Попечительства о народной трезвости, занимавших до последнего времени по числу обращений первое место среди аналогичных учреждений в России, количество обращений сразу резко упало» [4, с. 8]. То есть ощутимо сократился спрос населения на медицинскую помощь для страдающих различными недугами, связанными с потреблением алкоголя.

В стране в целом (как в городе, так и в деревне) сократилось число пожаров (особенно в сельской местности, где они имели характер бедствия), аварий на железной дороге, случаев травмирования на производстве. «По сведениям земских статистических бюро, страшное зло русской деревни – горимость, резко уменьшилось. Число пожаров убавилось: в Самарской губернии на 41,5%, в Казанской губернии на 44%. В Курской губернии среднее число пожаров за август – сентябрь в предыдущие годы было 572, а в 1914 г.

только 306. В некоторых земствах уже возникает вопрос о сокращении страховой премии», – приводил данные И.Н. Введенский [4, с. 21].

В связи с сокращением трат населения денежных средств на алкогольную продукцию возросли размеры денежных вкладов населения на сберегательные счета. А.Л. Мендельсон приводит впечатляющие цифры: «За 2-е трезвое полугодие 1914 г. прирост денежных вкладов в сберегательных кассах Российской империи достиг 70.4 млн руб., тогда как за 2-е полугодие 1913 г. он равнялся лишь 17,3 млн руб. ... За 8-месячный период войны (с 1 августа 1914 г.) по 31 марта 1915 г. прирост вкладов выразился суммой в 261,7 млн. руб., тогда как за такой же 8-месячный период 1913-1914 гг. прирост достигал лишь 6,5 млн. рублей» [11, с. 32].

В особенности в отношении деревни наблюдатели сообщали о том, что местные жители стали меньше брать ссуд и больше делать вкладов. Публицист А.И. Фаресов, в годы Первой мировой войны проделавший специальное путешествие по европейским губерниям России, отмечал, что увеличилось число сберегательных вложений «серых крестьян» – представителей средних деревенских слоев [15, с. 109].

Заметим при этом, что сокращение потребления алкоголя и возрастание сбережений могло быть напрямую связано с мобилизацией на фронт основных потребителей алкоголя в городе и деревне – здоровых мужчин призывного возраста. Однако, нельзя не обратить внимание на мнение знатока деревенской жизни Д.Н. Воронова, заявлявшего, что в селе самое высокое потребление в те годы демонстрировали так называемые старики, а не непосредственные пахари, а их как раз мобилизация не коснулась [5, с. 11].

Главное различие во влиянии «сухого закона» на город и деревню дореволюционной России заключалось в проявлении негативных последствий антиалкогольных ограничений. В первую очередь современники сообщали о распространении потребления различных суррогатов – в первую очередь в городах. «Алкоголь играл слишком большую роль в нашей жизни, чтобы внезапный переход к трезвости прошел легко и безболезненно. С

исчезновением водки образовалась в бытовом укладе народа пустота, которую жизнь стремится заполнить и это приспособление к новым условиям принимает формы болезненные и опасные», – обоснованно отмечал И.Н. Введенский [4, с. 23]. Потребление городскими низами политуры, денатурата, древесного спирта, одеколona заставляло бить во все колокола активистов трезвенного движения, в особенности, представителей медицинского сообщества, которые предупреждали о губительных последствиях такой попытки компенсировать отсутствие алкоголя. Опять-таки в городах довольно широко развилась практика получения спирта в аптечных учреждениях по рецептам от врачей, что, разумеется, происходило не без коррупционной составляющей [16, с. 78].

Напротив, современники подчеркивали о незначительной распространенности потребления суррогатов в деревне. «В городе алкоголики пьют денатурат из Петрограда или из вольных аптек, а в деревнях нет и мысли о пьянстве», – подчеркивал помощник акцизного надзирателя из Псковской губернии М.Ф. Деханов [15, с. 267].

То же можно было услышать и применительно к селам Тульской губернии: «По общим отзывам лиц, близких к населению, никаких суррогатов алкоголя в деревню не проникает, и сама деревня никаких суррогатов не prepares, за исключением единичных случаев изготовления домашней и для домашнего употребления браги» [15, с. 179].

Самогоноварение в деревне стало активно развиваться только, начиная с 1917 г., когда развивающийся социально-экономический и общественно-политический кризис, нарушение нормального товарообмена между городом и деревней провоцировали крестьян перегонять дешевое зерно в более дорогой самогон. А затяжная война усиливала на этом фоне состояние фрустрации, что способствовало нарастанию потребности селян в алкоголизации [3, с. 194].

Характерно, что в городах в годы «сухого закона» в большей степени, чем в деревне было развито так называемое «сухое пьянство» – азартные игры и разврат [4, с. 26]. Однако и применительно к сельской местности появлялось много сообщений о том, что среди сельской молодежи стала популярной игра в

карты «на интерес», что некоторыми наблюдателями характеризовалось как зло, худшее, чем пьянство [15, с. 272].

Таким образом, можно констатировать, что ограничительные меры властей в отношении продажи алкоголя с большим трудом усваивались городским населением, чем сельским. В губернских и уездных центрах, не говоря уже о столицах, до «сухого закона» была сформирована устойчивая традиция регулярного потребления спиртного, которую нелегко было преодолеть в короткий срок. Испытывая потребность в наркотизации и рискуя здоровьем, представители городских низов осваивали различные суррогаты. Люди посостоятельнее искали различные обходные пути в аптеки или пользовались особенностями «сухого закона», позволявшего в ресторанах для высокой публики отпускать виноградные вина.

Алкогольные ограничения на фоне стрессов, связанных с мобилизацией и потерей близких на фронте, инфляции, перебоев с поставками продовольствия, слухах о предателях и шпионах во власти создавали в городах (в первую очередь в Петрограде) взрывоопасную атмосферу, давшую о себе знать в феврале-марте 1917 года. Начавшись с забастовок из-за перебоев с поставками хлеба, революция продолжилась погромами винных складов [см.: 8].

На этом фоне деревня, где до войны было развито обрядовое потребление спиртного, а хронические алкоголики были большой редкостью, довольно быстро адаптировалась к новым условиям. Конечно, этому весьма помогла мобилизация миллионов взрослых мужчин. Но и в целом общинное крестьянство в большей степени было готово морально трезвой жизни. Как показала история – до определенного предела. На рубеже 1910-1920-х гг. село оказалось «залито» самогоном из-за всеобщей анархии и специфической продовольственной политики новых властей [9].

Список литературы:

1. Безгин В.П. Пьянство и трезвость в жизни русской деревни (80-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2001. Т. 7. № 1. С. 142-153.
2. Бехтерев В.М. Война и здоровье населения России // Чего ждет Россия от войны. Пг.: Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. С. 169-181.
3. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 967 с.
4. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. Екатеринбург: ООО «ИРА УТК», 2008. 51 с.
5. Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости (по данным земских и других анкет). Пг.: Государственная типография, 1916. 70 с.
6. Земцов Л.И. Потребление алкоголя в русской деревне на рубеже XIX–XX веков // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3. С. 95-101.
7. Золотарев А.М. Потребление вина в России в 1904-1909 годах // Ежегодник России. 1909 год. СПб.: Типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1910. 476 с.
8. Ильюхов А.А. Борьба с пьянством и погромами в Петрограде в 1917 году // К истории русских революций: события, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. М., 2007. С. 603-620.
9. Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74-88.
10. Лосяцкий А., Чернышев И. Алкоголизм петербургских рабочих. СПб.: Типо-лит. Шредера, 1913. 65 с.
11. Мендельсон А.Л. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Пг.: Государственная типография, 1916. 54 с.
12. Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. Ч. 1. Потребление вина. Участие общества в борьбе с пьянством и в организации виноторговли. СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1904. 114 с.

13. Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80-93.

14. Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне: (По поводу анкеты в Уфим. губ. в 1913 г.). М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1914. 32 с.

15. Фаресов А.И. Народ без водки (путевые очерки). Пг.: Тип. М. Меркушева, 1916. 310 с.

16. Чагадаева О.А. Смесь красного вина с раствором динамита... // Родина. 2010. № 8. С. 77-79.

Сведения об авторе:

Шевченко Иван Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

Data about the author:

Shevchenko Ivan Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of National and General History Department, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

E-mail: 1iash@rambler.ru.